

УДК 378.4

В.М. Цлаф*

РЕГИОН ВЛИЯНИЯ УНИВЕРСИТЕТА: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

Изложен метод определения потенциальных регионов влияния университета на основе условно-трехмерного представления пространства исследования. Метод апробирован на примерах определения регионов влияния Самарского университета.

Ключевые слова: регион влияния, территория, социально-деятельностная система, антропосоциетальный подход.

Введение

Работа, результаты которой представлены в настоящей статье, выполнена в связи с разработкой стратегии развития Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (далее – университет), целью которой является попадание университета в top-100 рейтингов ведущих мировых научно-образовательных центров. В соответствии с требованиями, предъявляемыми к стратегии, исходя из указанной цели, одним из направлений развития университета является усиление влияния на его внешнюю среду. Совокупность элементов внешней среды, испытывающих влияние университета, далее именуется *регионом влияния университета*, или просто *регионом университета*. Регион может быть представлен совокупностью территорий, отраслей, видов деятельности, технологий, социальных групп или иных элементов в зависимости от рода влияния на него университета.

Описанная в статье структуризация внешней среды (на языке логики – задание топологии среды) позволяет выделить регионы *потенциального* влияния университета. Выбор из них регионов для включения в стратегию представляет собой следующую задачу. Этот выбор должен опираться на оценки актуальности решения проблем тех или иных регионов и *реализуемости* влияния университета на такое решение.

Актуальность влияния университета на любой из возможных регионов определяется тем, насколько важные для соответствующего региона проблемы и задачи решает университет. Поэтому для разработки указанной стратегии целесообразно выделить те ключевые проблемы каждого региона, на разрешение которых должна быть в соответствии со стратегией направлена деятельность университета.

Рамки статьи не позволяют описать все возможные регионы Самарского университета и изложить их ключевые проблемы, работа такого масштаба не проводилась. Цель работы, отраженной в настоящей статье, заключалась в поиске метода определения потенциальных регионов университета и ключевых проблем этих регионов и апробации метода на нескольких примерах. Вопросы анализа ситуаций в каждом регионе и формулирования проблем разработаны нами ранее [11].

1. Топика пространства исследования. Определение потенциальных регионов влияния университета

В настоящем исследовании пространство объектов влияния университета организуется тремя взаимно независимыми базовыми векторами. Это пространство в нашей модели не наделяется свойствами метрического, в силу чего его «трехмерное» представление условно и не соответствует обычному пониманию трехмерного метрического пространства в математическом анализе или алгебре. Однако как иллюстрация, способствующая пониманию модели, условное трехмерное представление, с нашей точки зрения, полезно.

Понятие базового вектора интерпретируется как совокупность элементов (признаков регионов), относящихся к одному классу. Отношение порядка на классах признаков не определено. Три базовых вектора, рассматриваемых ниже, соответствуют трем классам признаков регионов. Такая обобщенная интерпретация термина «вектор» используется для придания модели наглядности, но не употребляется в алгебре и математическом анализе.

Первый базовый вектор – *территориальный*. Он включает три константы: мир, Россия, Самарская область. Соответственно, должны рассматриваться проблемы мирового (общечеловеческого, цивилизационного) уровня, общероссийского и областного.

* © Цлаф В.М., 2017

Цлаф Виктор Михайлович (ssu_econcentre@mail.ru), научный руководитель научно-образовательного и консалтингового центра системных и стратегических решений в области экономики и управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Второй базовый вектор строится исходя из того, что университет оказывает влияние на содержание и структуры социума и деятельности в своем регионе. В начале 1990-х гг. нами было предложено понятие *социально-деятельностной системы* (СДС) и разработана ее онтологическая схема [12]. Схема включает 5 блоков, в соответствии с которыми задаются 5 компонентов второго базового вектора: социум, деятельность (подразделяемую на репродуктивную и инновационную, так что фактически этот вектор насчитывает 6 компонентов), власть, культуру, ценности.

Третий базовый вектор определяется разработанным чл.-корр. РАН доктором физико-математических наук, проф. Н.И. Лапиным *антропосоциетальным подходом* [4; 5], обосновывающим перечень основных социетальных функций: жизнеобеспечивающей, духовно-интегрирующей, статусно-дифференцирующей, властно-регулирующей (институционально-регулирующей), антропо-коммуникативной. Соответственно, третий базовый вектор имеет 5 указанных компонент.

Три описанных базовых вектора формируют топик пространства исследования, насчитывающую $3 \times 6 \times 5 = 90$ топов (потенциальных регионов влияния университета), каждый из которых в качестве координат в указанном пространстве имеет по одному компоненту из каждого базового вектора (рис. 1).

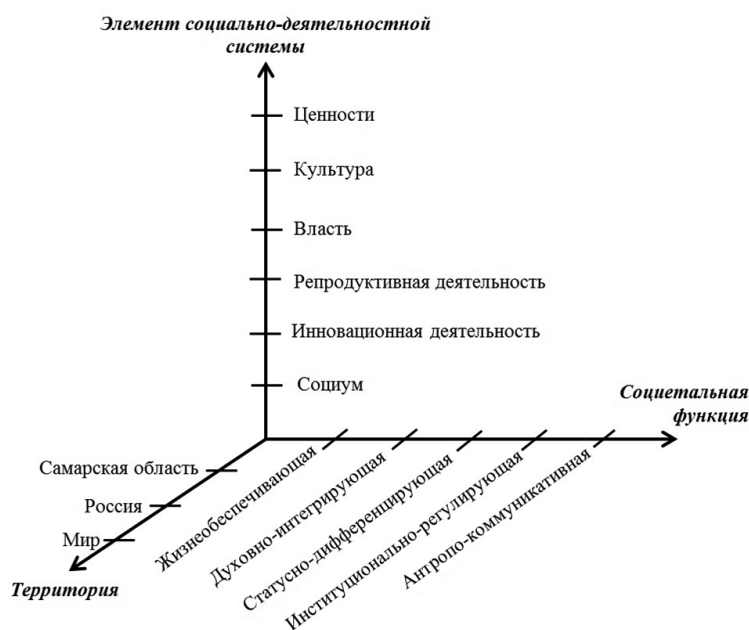

Рис. 1. Система координат региона университета (расположение точек на осях не выражает отношения порядка; группировка по осям означает лишь принадлежность данного признака данному классу признаков («базовому вектору»))

Возможны топы, отвечающие нескольким компонентам какого-либо базового вектора, например, относящиеся к ценностям и культуре, культуре и власти и т. п. В таком случае компоненты соответствующего базового вектора будут перечисляться нами через знак теоретико-множественного объединения. При этом из компонентов территориального вектора при очевидном соотношении *Самарская область* \in *Россия* \in *Мир* будет выбираться лишь один, соответствующий наибольшему территориальному параметру данного региона.

Возможна и противоположная ситуация, когда одному и тому же комплексу координат соответствуют несколько *разных* топов, для различения которых необходимо вводить дополнительные координаты, например отрасль экономики. Так, влияние университета на репродуктивную (повторяющуюся без изменений в циклах воспроизводства) деятельность включает влияние на технологии и на организацию производства. При этом топ с координатой «репродуктивная деятельность» по базовому вектору «элемент СДС» может быть разделен на топы «технологии машиностроительного производства», «организация нефтехимического производства» или более детально «технология производства коленчатых валов для...» и т. п. Однако такая узкая спецификация топов при разработке стратегии развития университета представляется нам излишней и должна осуществляться лишь при разработке программ реализации стратегии.

В каждом топе можно определить несколько важных для данного региона проблем. Рамки статьи, однако, не позволяют изложить результаты исследования такого масштаба. Поэтому ниже приведены выборочно те проблемы, которые, по субъективной оценке автора, могут быть отнесены к числу важнейших в выбранных также по субъективным оценкам топах. Таким образом, как уже указано выше,

настоящая статья не дает исчерпывающего перечня регионов и их ключевых проблем, а описывает метод, которым эти проблемы могут быть найдены.

2. Апробация метода: ключевые проблемы региона Самарского университета (примеры)

2.1. Мир становится неуправляемым – проблема цивилизационного масштаба

Координаты топа: территория = *мир*, блок СДС = *культура* \cup *власть*, социетальная функция = *институционально-регулирующая*.

Данная проблема формулируется как *противоречие между объемом информации, генерируемой миром, и пропускной способностью мозга человека, занимающего позицию управленца*.

Закон необходимого разнообразия, открытый У. Росс Эшби в 50-х гг. XX века [14, с. 287–310] и модифицированный для управления производством Ст. Биром [2, с. 66–84], в упрощенной формулировке, достаточной для наших целей, гласит, что *управляющая система должна быть сложнее управляемой, в противном случае управление невозможно*. Суть этого закона заключается в том, что количество информации, генерируемой сложным объектом управления, оказывается выше пропускной способности «простой» управляющей системы. Повышение пропускной способности для переработки всей необходимой управленческой информации требует усложнения управляющей системы до уровня, превышающего сложность управляемого объекта. Последствия этого закона для систем корпоративного и тем более государственного управления, приобретающие на наших глазах масштаб цивилизационной катастрофы, по нашему мнению, до сих пор не оценены.

Мир усложняется, и темпы его усложнения растут. Соответственно, растет количество информации, генерируемой миром и любым его элементом: регионом, поселением, организацией и т. п. Разные источники приводят разные данные, но в целом рост информации в мире за каждые два года оценивается в пределах от 2 до 10 раз. В 2011 году общий мировой объем созданных и реплицированных человеком данных составил более 1,8 зеттабайт (1,8 трлн Гб) [8]. При этом информационная емкость человеческого мозга остается постоянной. Способность человека отображать в своем сознании происходящее в мире катастрофически уменьшается. *Оперировать* с огромными объемами информации помогают компьютерные сети, но умение *понимать* ее, несмотря на успехи в области искусственного интеллекта, остается исключительной функцией человека. Снижение способности понимания мира приводит к стереотипизации, алгоритмизации поведения. Люди ищут готовых решений, не считаясь с тем, что эти решения эффективны лишь в тех случаях, для которых они разработаны. Эволюция человека, зарождение и развитие *homo sapiens* происходили в условиях, когда сложность человеческого мозга росла быстрее сложности мира. Приобретя способность создавать вокруг себя искусственный мир, человек наполнил и наполняет его источниками информации и усложнил (и усложняет все быстрее и быстрее) настолько, что по отношению к этому миру скатывается из позиции *homo sapiens* к *homo habilis*, вымершему около 1,5 миллиона лет назад.

И при этом информация, актуальная для управления миром, составляет лишь малую долю от огромных генерируемых объемов. Отказ от переработки немислимых объемов информации и выделение из нее нужной требуют именно понимания – точнее, понимания и мышления, продукты которого могут быть заложены в основу все усложняющихся, но все же реализуемых алгоритмов обработки Big Data и, главное, позволили бы отбирать нужную информацию на этапе запроса, а не после получения. Однако сложившаяся и все укрепляющаяся социокультурная норма пользования готовыми деятельностными «рецептами» исключает понимание и мышление и, если так можно выразиться, все больше обезчеловечивает человека.

По-видимому, до сих пор не созрело понимание того, что реализация примитивных управленческих рецептов уже сегодня может быть «доверена» компьютеру, и управленец, владеющий этими рецептами и только ими, будет вынужден покинуть сферы корпоративного, государственного и муниципального управления так же, как покинули цехи автомобилестроительных заводов сварщики, уступив свои рабочие места роботам. Однако управление – не сварка, и алгоритмизированное управление производством, компанией, регионом, страной, даже с учетом растущих возможностей самообучающихся, самоорганизующихся, адаптирующихся компьютерных систем, еще долго будет уступать человеку, оснащеному пониманием и мышлением.

Возможности университета в содействии *человечеству* в решении этой проблемы состоят в том, чтобы не следовать традиции отказа от понимания в пользу готовых деятельностных рецептов, порожденной в том числе некоторыми западными вузами, а использовать всю мощь российской и мировой гуманитарной культуры и фундаментальных наук для развития у студентов и слушателей групп дополнительного образования способностей понимания мира и происходящих в нем процессов и мышления, формирующего не только новые алгоритмы, но и новые подходы к изучению и управлению этими процессами.

Как ни странно, но даже в классическом Самарском государственном университете, ныне вошедшем в состав Самарского университета, при наличии двух кафедр философии мирового уровня и мощного

психологического факультета студентам управленческих специальностей курс логики читался в мизерном объеме, курс философии сводился к герменевтическому толкованию текстов, и даже после курса психологии студенты не встречались с понятием рефлексии и не приобретали компетенции рефлексивного отношения к миру, жизненно необходимой управленцу для понимания процессов в объекте управления и его внешней среде.

Но в СССР и затем в России развивались методологические школы, не имеющие аналогов в мире и создающие мощную методологическую базу для управленческой деятельности, основанной именно на понимании и мышлении. Однако взаимоотношения между отечественными научными школами привели к замалчиванию выдающихся результатов, которые изучаются в единичных научно-образовательных центрах, а фамилии основателей этих школ остаются неизвестными не только студентам, но и большинству преподавателей.

Речь идет о системомыследеятельностной методологии Г.П. Щедровицкого и его школы и школы концептуального анализа и проектирования, основанной С.П. Никаноровым. Несмотря на то что последователи этих учений занимают многие высокие государственные посты, концептуальный анализ и проектирование изучаются только в Московском физико-техническом институте, системомыследеятельностная методология – в Тольяттинской академии управления.

Самарский университет может стать первым в мире вузом, где противоречия между методологическими школами станут предметом не «междоусобных войн», а синтеза и разработки практических способов использования. Если построить образовательные программы, синтезировав опыт МФТИ, ТАУ и собственные достижения, так, чтобы это привлекло зарубежных студентов и слушателей, то в территориальном плане регион университета по решению данной проблемы – весь мир.

2.2. Проблема патернализма

Координаты топа: территория = Самарская область, блок СДС = культура \cup власть \cup социум, социетальная функция = жизнеобеспечивающая \cup институционально-регулирующая.

Данная проблема формулируется как *противоречие между возможностью человека самостоятельно и ответственно действовать для удовлетворения своих потребностей и социокультурной нормой перекладывать обязанность удовлетворять свои потребности на государство, а ответственность за это – на лиц с более высоким социальным статусом либо чаще статусом в институциональной системе.*

Установка на патернализм – стремление к опеке, поддержке, покровительству со стороны власти, передаче ответственности за свое благополучие в руки государства [1, с. 65], при этом государство в рассматриваемом отношении, как правило, представлено лицами, осуществляющими государственную власть, зачастую – первым лицом, воспринимаемым как родительская фигура [1, с. 64]. Как нами показано, «патернализм» – понятие, подчиненное понятию «безответственность», контрарное понятию «ответственность» [13, с. 134]. Патернализм в быту порождает неблагоустроенность, в производстве – экономическую неэффективность, в политике – опору неконструктивной оппозиции.

Патернализм укоренился в массовом сознании за столетия российской истории и, несмотря на воздействие трансформационных процессов, постоянно восстанавливает свое влияние на общество [10, с. 129–130]. Его следствиями являются не только массовая пассивность и попытки переложить на органы власти то, что может и должно быть сделано самими гражданами, но и зачастую требования к органам власти выполнить действия, которые эти органы выполнять не вправе или объективно не имеют для этого необходимых ресурсов. Характерная для проявлений патернализма мифологизация власти наделяет в сознании обывателя ее носителей неограниченными возможностями, вследствие чего реальная невозможность совершить какие-то желаемые обывателем действия воспринимается как пренебрежение его интересами, стремление «обидеть», «обмануть» и в конце концов вызывает отторжение. Чтобы дестабилизировать ситуацию и привлечь такого обывателя на свою сторону, оппозиции достаточно поддерживать патерналистские настроения, выдавая при этом себя за обладателя тех самых неограниченных возможностей.

Патернализм как стереотип перекладывания обязанностей и ответственности с себя на некоторого другого «вышестоящего» субъекта исключает нормальные экономические отношения и порождает «крышевание», разбазаривание государственных средств под видом оказания государственной поддержки принципиально нежизнеспособным бизнесам и другие уродливые явления современной хозяйственной жизни.

Нами показано [13, с. 135], что власть в условиях демократии без применения насилия не может бороться с патернализмом. «Лечение» общества, «зараженного» патернализмом, может осуществлять только само общество – те его члены, которые не «больны» патернализмом, осознают его опасность и обладают социальными технологиями осуществления социокультурных изменений. Университет является как раз таким институтом. Несмотря на то, что значительная часть персонала «старших возрастов» поражена патернализмом, само стремление в top-100 мировых рейтингов, активность ректората и студенчества говорят о том, что университет не рассчитывает на благополучную жизнь, обеспечен-

ную учредителем, наблюдательным и попечительским советами, а прилагает собственные усилия для строительства такой жизни. Чтобы университет мог влиять на социокультурные нормы внешней среды, необходимо, во-первых, максимально возможное развитие студенческого самоуправления; во-вторых, превращение этого самоуправления из средства временного (на период обучения) повышения самооценки его участников в социокультурную норму, чтобы выпускники университета продолжали активную самостоятельную деятельность после окончания обучения, несмотря на то что многие из них попадут в структуры с управлением авторитарного типа, очень распространенного в России. Авторитаризм – «зеркало» патернализма, две эти нормы поддерживают друг друга. Студенты должны учиться проводить свою «линию» в жизни не только в тепличных условиях поощрения самоуправления руководством, но и в условиях всяческого подавления самоуправления. Принцип «управления из любой точки», известный в менеджменте, должен быть усвоен и практически реализуем большинством студентов. Как этого достичь, какие программы должны быть для этого реализованы – непростой вопрос, но в стратегической перспективе требующий обязательного решения.

Хотя патернализм – «общероссийская беда», рассчитывать на то, что выпускники университета смогут хоть как-то содействовать решению задачи его преодоления в масштабах всей России, было бы нелепо. Поэтому мы считаем, что территориально максимально достижимый регион университета в данном отношении – Самарская область.

2.3. Проблемы инновационного развития

Координаты топа: территория = Самарская область, блок СДС = инновационная деятельность, социетальная функция = жизнеобеспечивающая.

Данная проблема формулируется как *противоречие между достаточно высоким уровнем развития инфраструктуры инновационной деятельности, в том числе инвестиционных институтов, и низким уровнем предлагаемых инноваторами проектов, делающим невозможным их инвестирование и реализацию.*

Эта проблема не нова. Она отчетливо проявилась еще в 1996 году, когда бывший губернатор области К.А. Титов договорился с ЕБРР о предоставлении Самарской области кредитной линии на инвестирование проектов развития экономики в размере \$500 млн. По возвращении из-за рубежа он дал команду двум департаментам областной администрации собрать все проекты, нуждающиеся в инвестировании. Было собрано 42 проекта. Автор настоящей статьи был в числе экспертов, анализировавших все проекты. Два из них можно было доработать (в них были расчетные ошибки в финансовых планах, остальное – «терпимо»), 20 – полностью переделать, используя кое-какие идеи (предлагалось производить что-то хорошее и полезное, но ни организация производства, ни технологии, ни рынки толком проработаны не были), 20 – только выбросить. Проектов надлежащего качества не оказалось. Российский дефолт 1998 года спас область от позора, когда были бы получены европейские деньги, а проектов, достойных инвестирования, нет, – испугавшись состояния России, ЕБРР отказался от обязательств по инвестированию.

Инновационная активность в России – основа конкурентоспособности предприятий и успешного импортозамещения – и ныне далека от желаемого состояния. По данным Росстата [7], инновационная активность российских организаций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций) составила в 2016 году всего 8,4 %, монотонно снижаясь с 2011 года. С 2013 года снижается удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации (в 2016 г. 7,3 %). Крайне мало организаций осуществляет организационные и маркетинговые инновации, и их удельный вес в общем числе обследованных Росстатом организаций монотонно снижается с 2012 года (в 2011 г. организационные инновации – 3,3 % организаций, маркетинговые – 2,3 %; в 2016 г. – соответственно 2,4 и 1,4 %).

В 2016 году передовые производственные технологии¹ в России разрабатывались 608 организациями, из них использовали запатентованные изобретения 209 организаций, т. е. 34 %. Всего разработано 1534 передовых производственных технологии, из них новых для России – 1342 (87,5 %), принципиально новых – 192 (12,5 %), с использованием запатентованных изобретений – 527 (34,4 %).

В Самарской области [9] за период 2006–2015 гг. инновационная активность организаций снизилась почти в 3,5 раза (с 17,3 до 5,0 %). Кроме затрат на технологические инновации, по всем регистрируемым Росстатом показателям инновационной деятельности Самарская область уступает другим субъектам РФ, входящим в ПФО.

¹ Согласно терминологии, принятой Росстатом, передовые производственные технологии – это технологии и технологические процессы (включая необходимое для их реализации оборудование), управляемые с помощью компьютера или основанные на микроэлектронике и используемые при проектировании, производстве или обработке продукции (товаров и услуг). Это не инновационные технологии, так как к «передовым» Росстат относит технологии, применяемые в течение любого срока. Среди указанных «передовых» технологий немало внедренных более 5 лет назад. Тем не менее определенные выводы относительно инноваций на основе этих данных возможны.

Доля передовых производственных технологий собственной или местной разработки в числе используемых предприятиями составляет доли процента (в Самарской области в 2016 г. – 0,29 %). Это означает, что зависимость производственных предприятий от сторонних разработчиков технологий растет. Разработчики, в особенности зарубежные, фактически регулируют отечественный и мировой товарные рынки, поставляя те ли иные технологии, порой скрывая от покупателей технологий факт готовности к выпуску нового поколения технологий, в связи с чем закупленные технологии быстро устаревают и не окупаются.

В последние годы в России и, в частности, в Самарской области существенно активизирована работа по созданию малых инновационных предприятий. Действуют федеральные, международные и местные акселераторы, активно привлекаются средства федеральных и международных фондов на запуск стартапов. Только от Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере за 2015 год в Самарскую область было привлечено 380 млн рублей [3]. Однако инновационная активность малых предприятий может оказать существенное влияние на экономику страны и Самарской области только через несколько лет, когда они займут устойчивое положение на федеральном и мировом рынках и достигнут значительного оборота – при условии, что выросшие из них средние и крупные предприятия не сменят свою юрисдикцию. Но при отсутствии инновационной активности крупных и средних предприятий позитивное влияние сегодняшнего малого бизнеса будет нивелировано потерями этих предприятий, поэтому рассчитывать только на выращивание малых инновационных предприятий неразумно.

Рост инновационной активности необходимо связывать не только с формированием стартапов, но и с инновационным развитием крупных и средних предприятий.

Вместе с тем опыт инвестиционных компаний показывает, что инновационные проекты, предлагаемые инициаторами, в том числе крупными и средними предприятиями, или для удовлетворения их потребностей, не удовлетворяют требованиям инвесторов. Как писал президент НП «Инвестиционное сообщество бизнес-ангелов «Самарский инвестиционный парк» А.В. Ларионов, *«ключевая проблема инновационной сферы как региона, так и страны – отсутствие должного количества качественных проектов и проектных команд (умные деньги на рынке есть, мало умных проектов). Мы пришли к парадоксальному выводу: из сотен проектов, которые мы смотрели, реальные инвесторы (бизнес-ангелы) нужны единицам (!) команд; большинство просто не могут построить систему сбыта, или привлечь партнеров для построения продаж, получения заказов»* [6].

Таким образом, важнейшим тормозом инновационного развития экономики Самарской области является низкая квалификация создателей инновационных проектов.

России и Самарской области нужна предпринимательская элита, способная не только реализовать отдельные инновационные проекты, но существенно изменить инновационный климат российской и, в частности, самарской экономики. Университет способен оказать существенное содействие формированию такой элиты путем реализации магистерских образовательных программ нового типа, сочетающих фундаментальную подготовку в области инноваций с практическими навыками разработки и реализации инновационных проектов.

Выводы

Приведенные в разделе 2 статьи примеры показывают, что демонстрируемый метод определения координат регионов университета работоспособен. Исследование региона университета для формирования достаточно полного перечня проблем, разрешению которых может содействовать университет, – масштабная задача, к выполнению которой должны быть подключены представители всех подразделений университета.

Библиографический список

1. Белинская Е.П., Литвина С.А., Муравьева О.И., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 63–70.
2. Бир Ст. Кибернетика и управление производством. М.: Физматгиз, 1963. 276 с.
3. Единый портал инновационной деятельности Самарской области. URL: <http://startupsamara.ru>.
4. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.
5. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.
6. Ларионов А.В. Интервью журналу «Дело» – приложение к газете «Самарское обозрение» // Дело. 2015. 8 июня.
7. Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <http://gks.ru>.
8. Постологий В. Big Data шагает по планете. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/infa-site.html>.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2016.

10. Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2007. 140 с.
11. Цлаф В.М. Управленческие проблемы: их сущность и логическая структура // Вопросы методологии. 1998. № 1–2.
12. Цлаф В.М. Об онтологической схеме социально-деятельностной системы. URL: <https://yadi.sk/d/arFCI9VmghK36/2007.pdf>.
13. Цлаф В.М. О патернализме в сознании россиянина // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы II ежегодной научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, 27–31 марта 2017 г. Вологда: ВолНИЦ РАН, 2017. С. 131–138.
14. Эшби У. Росс. Введение в кибернетику. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 432 с.

References

1. Belinskaya E.P., Litvina S.A., Muravyeva O.I., Stefanenko T.G., Tihomandrickaya O.A. Politicheskaja kul'tura: ustanovka na paternalizm v mental'nosti rossijan [Installation on paternalism and its interconnectivity with cultural and personal particularities]. In: Sibirskij psihologičeskij žurnal [Siberian Psychological Journal], 2004, no. 20, pp. 63–70. [in Russian].
2. Beer St. Kibernetika i upravlenie proizvodstvom [Cybernetics and management]. Moscow: Fizmatlit [Physics and Mathematics State Public House], 1963. 276 pp. [in Russian].
3. Edinyj portal innovacionnoj dejatel'nosti Samarskoj oblasti [The Samara region innovation activity single portal]. Retrieved from: <http://startupsamara.ru> [in Russian].
4. Lapin N.I. Sociokul'turnyj podhod i societal'no-funkcional'nye struktury [The sociocultural approach and societal – functional structures]. In: Sociologičeskie issledovanija [Sociological Researches], 2000, no. 7, pp. 3–12 [in Russian].
5. Lapin N.I. Funkcional'no-orientirujushhie klasterij bazovyh cennostej naselenija Rossii i ee regionov [The functionally orienting basic values clusters of population of Russia and its regions]. In: Sociologičeskie issledovanija [Sociological Researches], 2010, no. 1, pp. 28–36 [in Russian].
6. Larionov A.V. Interv'ju žurnalu «Delo» – prilozhenie k gazete «Samarskoe obozrenie» [The interview for the magazine «Delo» – attachment to «Samarskoye obozrenie»]. In: Delo, 2015, 8 June. [in Russian].
7. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Official site of the Federal State Statistic Service]. Retrieved from: <http://gks.ru> [in Russian].
8. Postolatij V. Big Data shagaet po planete [Big Data is stepping on the planet]. Retrieved from: <https://rg.ru/2013/05/14/infa-site.html> [in Russian].
9. Regiony Rossii. Social'no-jekonomičeskie pokazateli [Russian regions. Social and economic indicators]. Moscow: Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [The Federal State Statistic Service], 2016 [in Russian].
10. Rossijskaja identičnost' v sociologičeskom izmerenii: Analitičeskij doklad [The Russian identity in the sociological metrics: Analytical report]. Moscow: Institut sociologii RAN [RAS Institute of Sociology], 2007, 140 p. [in Russian].
11. Tslaf V.M. Upravlenčeskie problemy: ih sushhnost' i logičeskaja struktura [Management problems: their essence and the logical structure]. In: Voprosy metodologii [Issues of methodology], 1998, no. 1-2. [in Russian].
12. Tslaf V.M. Ob ontologičeskoy sheme social'no-dejatel'nostnoj sistemy [About the social-activity system ontological scheme]. Retrieved from: <https://yadi.sk/d/arFCI9VmghK36/2007.pdf>. [in Russian].
13. Tslaf V.M. O paternalizme v soznanii rossijanina [About the paternalism in the consciousness of Russians]. In: Global'nye vyzovy i regional'noe razvitie v zerkale sociologičeskijh izmerenij: materialy II ezhegodnoj nauchno-praktičeskoj internet-konferencii, g. Vologda, 27–31 marta 2017 [Global challenges and regional development in the social metrics: 2-nd annual science-practical internet conference proceedings]. Vologda: RAS Scientific Centre, 2017, pp. 131–138. [in Russian].
14. Ashby W. Ross. An introduction to cybernetics [Vvedenie v kibernetiku]. Moscow: Izd-vo inostrannoj literatury [The Foreign Literature Public House], 1959, 432 p. [in Russian].

*V.M. Tslaf**

A UNIVERSITY INFLUENCE REGION: THE METHODOLOGY OF ANALYSIS

The method of potential university influence region identifying based on conditionally three-dimensional visualization of a research field is represented.

Key words: an influence region, a territory, a social-activity system, the anthropo-societal approach.

Статья поступила в редакцию 10/VIII/2017.
The article received 10/VIII/2017.

* Tslaf Victor Mikhailovich (ssu_econcentre@mail.ru), Educational and Consulting Centre of System and Strategic Solutions in Economic and Management Sphere, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.